

Давно ли это было написано?

«Но Каравайки больше не было на земле.

Где-то за тремя волоками неслись поезда и свистели ракеты, а здесь была тишина, и майору казалось, что он слышит, как обрастают щетиной его напрягшиеся скулы.

Опять прокрякал дергач, а луну пополам разрезало плоское слоистое облачко. Никто не услышал, как на гулкий широкий лист лопуха, теряя свинцовую свою тяжесть, бухнулись две холодные слезы».

Перечитываешь, и чудится, что слова эти — сегодняшние, что тот майор из беловского рассказа «За тремя волоками» и сейчас сидит у родного печка и сердце его сжимается тоской при виде остатков бывшего крестьянского жилья, былой деревни Каравайки, где когда-то он родился, вырос, усвоил первые понятия о жизни. А между тем хорошо известно: рассказ В. Белова появился еще в начале 60-х и теперь стал едва ли не хрестоматийным. Значит, здесь, в этой строгой мужской грусти, выразилось что-то важное и насущное для времени. Не для сиюминутного настроения, но именно для времени, для века, для назревшего миропонимания.

У В. Белова было немало подражателей, и многие из них бросались вслед за беловским героем через реки и волоки, чтобы привести читателя к другим дальним подворьям, сосредоточенно побродить возле исчезающей околицы. Однако мало кому из последователей удалось приблизиться к В. Белову, вдохнувшему в свое повествование истинную поэзию и живую мысль.

Вскоре в критике, наблюдавшей за развитием темы деревенских истоков, родилось и такое определение для мотива, одним из первооткрывателей которого был В. Белов: «ностальгия». Ностальгия по старой деревне, по малой родине и даже — по «патриархальщине». Но если выражение «ностальгия» для чего-то и годилось, то разве только для разговора о вторичном опыте литературы. По отношению же к литературе первостепенного значения, к такой, например, как «Деревянные кони» Ф. Абрамова, «Последний поклон» В. Астафьева и «Прощание с Матёрой» В. Распутина, которые появились вслед за рассказом В. Белова, слово «ностальгия» неуместно. Одной ностальгией не только не объяснишь, но, чего доброго, запутаешь трактовку повести о Матёре. В. Распутин, можно сказать, предоставил матёрам и каравайкам полноправное слово в спорах о путях цивилизации, о ценностях современного образа жизни. Не ностальгия, но тревога о настоящем звучала в этих произведениях, рожденных потребностью общественного самосознания, развитием народно-исторической памяти.

Память... Образ традиционного крестьянского мироустройства неизбежно должен был возникнуть в памяти поколения, которое стало свидетелем необратимых перемен в жизни деревни. Рассказ В. Белова и другие его произведения, так же как лучшие произведения, стоящие ныне под знаком «деревенской прозы», отразили это движение памяти и дали ей новый толчок.

Но все-таки — почему и о чем плакал

АЛЕКСАНДР ПАНКОВ

НА ПУТЯХ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Литературная
критика

тот майор, во имя чего бранила детей сырой старуха Дарья? Был ли у этих и аналогичных образов действительный источник или они всего лишь метафора философских идей, отголосков романтической мечты о «золотом веке», черты которого приписываются на сей раз «старому» деревенскому укладу? И это после того, как вся русская классика — от Тургенева до Бунина — постоянно напоминала обществу о крестьянских тяготах и говорила о необходимости улучшения крестьянского быта. Говорила даже тогда, когда ставила крестьянина на нравственный пьедестал.

Как бы ни был нам по-человечески близок беловский майор, но вопрос этот — объективно — сохранял силу, требовал вдумчивого ответа. Из этой духовной ситуации и выросла — в значительной мере — напечатанная в журнале «Наш современник», а затем вышедшая отдельным изданием в 1982 году в «Молодой гвардии» книга В. Белова «Лад», книга очерков о народной эстетике.

«Эстетика» — слово ученое. Обычно оно означает науку о прекрасном или принципы красоты. В. Белов употребляет понятие «эстетика» близко ко второму значению. Его интересуют основы труда и быта, определявшие в течение веков образ жизни северного русского крестьянства. По В. Белову, этот образ жизни заключал в себе естественность, гармонию, красоту, упорядоченность. Словом, лад. Здесь — исходный пункт беловского понимания «народной эстетики».

«Книга «Лад» была задумана в виде сборника зарисовок и очерков о северной народной эстетике, — объясняет писатель. — При этом я старался рассказывать лишь о том, что знаю, пережил или видел сам либо знали и пережили близкие мне люди».

Что же получилось? Получилась научно-публицистическая книга, описание наиболее существенных сторон прежнего крестьянского жизнеустройства, очерк деревенской культуры. Как жил крестьянин в былые времена, с чего начинал день, год, жизнь и как их заканчивал; как трудился, промышлял, проводил свободное время; какие обычаи соблюдал в семье и в миру, как воспитывал детей, как понимал свое человеческое назначение... Все это В. Белов восстанавливает в памяти, приводит в систему факты, создает законченную картину. Эта картина — научная, потому что она построена по законам исследования. Эта картина — публицистическая, потому что автор везде сохраняет за собой право на личную позицию, на собственное отношение к действительности.

Корневая мысль книги В. Белова по внешности проста и однозначна: крестьянский уклад представлял собой стройную, отшлифованную временем организацию человеческих отношений. Тяготение к ладу, к материально-духовному единству везде давало о себе знать, проникало и в связи человека с природой, и в связи межчеловеческие. Следуя за автором дальше и дальше, мы подаемся воздействию его убеждения: был лад, была устойчивая жизненная форма, обнимавшая повседневное существование миллионов людей.

В. Белов нередко употребляет в книге

слова «народный» и «крестьянский» в качестве синонимов. С логической стороны это не вполне точно, ибо речь в «Ладе» идет не иначе как о крестьянстве, о деревне, о земледельцах России. Но поскольку за примерами В. Белов обращается в основном к прошлому, к тем временам, когда крестьянство составляло большую часть населения нашей страны и когда слово «народ» часто было равнозначно слову «крестьянство», мы примем этот факт без дальнейших оговорок. Иное дело — понятие «культура», «народная культура», как говорит иногда автор. В. Белов редко прибегает к нему в ходе рассказа, чаще предпочитает сказать «народная жизнь», «народная эстетика», «быт», «уклад», «устой», «организованность». Но мы-то понимаем, что тут изображена именно культура, а не простая сумма житейских реалий. Это в высшей степени важно. Понятие культуры связано в нашем сознании с нормами, ценностями, традициями, которые отчетливо сложились в процессе жизни и приобрели обратное, направляющее воздействие на людей. (См. в этой связи: А. Петрик. Века и дни. «Литературная газета», 1981, 22 июля.)

«Лад» — это любовное описание деревенской культуры, ее идеального содержания. В. Белов рисует не просто то, что было или бывало, но то, как было заведено. И выбирает лучшее, положительное.

«У хороших хозяев...», «В хорошей деревне мало таких чудачков», «Хороший крестьянин пашет без погонялки...», «Но вот самый опытный, самый рачительный хлебопашец выволок соху и запряг поутру кобылу...» — в этих строках виден ключевой принцип обобщения, положенный в основу беловского подхода. Давайте согласимся с ним, признаем его как выношенную позицию автора. И посмотрим без суеты, что же открывает нам В. Белов, очерчивая «народную эстетику», предлагая картину уходящей все дальше в прошлое деревенской культуры.

Так пишут в минуты расставаний: «Беречь надо память. Для памяти и пишу». И верно: композиция и стиль «Лада» подчинены поэтике воспоминания. Казалось бы, В. Белов взялся за объективное постижение крестьянского уклада, а между тем с первых страниц лирическое присутствие автора сказывается в каждом слове, в каждой строке. Это именно он, Белов, вспоминает, задумывается, делится с читателем плодами своей кропотливой и долгой работы. Лирический настрой «Лада» передается нам с первых строк. И мы подсознательно подключаемся внутреннему духу книги, становимся соучастниками писателя в его наблюдениях и мыслях. Потом, пройдя через всю книгу, мы, пожалуй, и остановимся, оглядимся, чтобы разобраться в прочитанном, порассуждать, а то и поспорить с автором. Но ни рассуждение, ни спор не снизят сильного и светлого впечатления, оставленного «Ладом» — книгой, берегущей память и стремящейся память поставить на службу современности.

Весна — исток жизни, пора ее пробуждения и роста. В. Белов начинает очерки с картины весеннего времени, когда день берет перевес над ночью, когда природа двинется навстречу теплу, а люди готовятся

к труду на земле. Рассказ ведется так. Будто писатель сам присутствует там: ставит с ребятами скворечники, торопливо возит из лесу сено, хвою и сушняк, поправляет хозяйственный инвентарь, выпускает на двор скотину, выходит вместе с соседями на пахоту... В памяти, в воображении, в своем личном опыте он в деревне, рядом с тружениками, которых связывает и роднит работа на земле. «А борозда за тобой идет да идет, и грачи тотчас садятся в нее, тюкают носами в родимую землю».

Родимая земля. Такое ощущение свойственно прежде всего крестьянину, пахарю, земледельцу, бросающему зерна в почву и с надеждой ожидающему добрых всходов. И вместе с тем в этих словах — отношение к миру, философия, ибо земля — это не только кусок пахоты, но и своя сторона, родина, отечество. А вслед за тем — и планетная почва, земля людей, без ощущения родимости которой человек не полон.

Первые главы «Лада» — о календаре, о годовом круговороте крестьянского бытия. Календарь — это вечный график человеческого общения с природой. Для земледельца, для сельского жителя смена времен года особо знаменательна и чувствительна. Для крестьянина чуткость к этим переменам — естественная черта характера, рожденная в необходимых отношениях пахаря с землей. От него она и получила ласковое имя кормилицы. Нет ничего удивительного, что именно в крестьянском сознании и возник образ земли кормящей, земли-матери. Образ одновременно и практически-реальный, и символический. Вечный образ.

Картина коренных, жизнедеятельных отношений крестьянина с природой предопределяет в «Ладе» изображение деревенского мира. Сначала общих, я бы сказал эпических, очерк годового круга, перечень трудов и дней. Затем — обзор видов работы и промысла, из которых слагалось хозяйство крестьянина в деревне. Сельский человек предстает здесь как мастер на все руки. Затем — описание семейного порядка и разных мирских обычаев (игр, праздников и так далее), сопутствовавших крестьянину на его жизненном пути. От рождения до самой смерти.

На сравнительно небольшом пространстве В. Белов успевает разместить множество достоверных сведений. Кое-что из рассказанного вполне может и ныне превратиться в здравый совет или в полезное указание. Таковы, скажем, главы, повествующие о народных промыслах. «Все нужно было уметь!» — сказано о крестьянине. Не здесь ли секрет того возросшего интереса, который сегодня крестьянская жизнь возбуждает к себе у людей современной, в том числе и городской, цивилизации? Умелец, не имеющий нужды в чужих руках. Тут есть кого и за что уважать, у кого и чему поучиться.

Было бы, пожалуй, нетрудно и даже сладко затеряться мыслями в беловских очерках, поскольку, по его собственным словам, «стихия народной жизни необъятна и ни с чем не соизмерима». Обратите заодно внимание и на полемику этого писателяского убеждения. Оно полемично в отношении известного мешанского унастроения, полагавшего деревенскую жизнь чем-

то заведомо упрощенным и приниженным в сравнении с жизнью города. Говорили же, бывало, с пренебрежением: «Ну, ты, деревня!» Рядом с «Ладом» подобные фразы становятся невозможны. Слишком много человеческого содержания и душевной проникновенности внесено автором в каждую строку.

Но что же, кроме авторского пафоса, связывает эти очерки в одно целое? Задавшись этим вопросом, мы должны двинуться в самый центр книги и прикоснуться к самой ее сути — к концепции «народной культуры», созданной В. Беловым.

По своему строению «Лад» напоминает срез древесного ствола. Очерки нарастают как бы кольцами, расширяясь изнутри и в то же время прирастая слой к слою, волокну к волокну. Кольца самостоятельны, и при этом они — одна плоть, одно органическое тело, рожденное из сердцевины и помнящее о ней.

Так вот — о сердцевине, о центростремительных силах авторской мысли. Главная черта «народной культуры» — целостность. От нее и — лад. Откуда эта целостность? В. Белов не охотник до рационализма, но как всякий мыслящий человек он не свободен от логики. Логическая цепочка «Лада» начинается с понятий «ритм» и «цикл» («цикличность»). Тут — основа основ, сердце жизненного организма.

«Ритм — одно из условий жизни. И жизнь моих предков, северных русских крестьян, в основе своей и в частности была ритмичной». «Ритм проявлялся во всем, формируя цикличность. Можно говорить о дневном цикле и о недельном, для отдельного человека и для целой семьи, о летнем цикле или о весеннем, о годовом, наконец, о жизненном цикле: от зачатия до могильной травы...»

Итак, ритмическое движение жизни, циклический круговорот. Мир, вращающийся вокруг собственной оси и возвращающийся на круги своя. Ритм и цикл — это механизм всеобщей взаимосвязи, признак здоровой, упорядоченной, равной себе жизни. Движение по прямой или продольной линии тут, казалось бы, невозможно, противоестественно. Всякая аномалия, всякий сбой или скачок в круговороте воспринимаются как нарушение ритма. «Любое нарушение этого ритма — война, мор, неурожай — лихорадило весь народ, все государство».

Здесь, сознаюсь, я должен поставить первый логический вопрос: не слишком ли поспешно В. Белов плюсует сложные и разнохарактерные понятия — «жизнь северных крестьян», «народ», «государство»? Это ведь тоже разные круги, и круги огромного целого, имеющего свои ритмы, циклы, взаимосвязи. Не ритм, а — ритмы. Все намного сложнее.

Правомерно ли автор оставляет пределы крестьянской «вселенной», выходит за рамки своего непосредственного предмета — «народной культуры», сформированной, по В. Белову, в условиях ритмического, натурального круговорота, когда мир для человека был единое целое?

Ритм, цикл — это универсальные качества. Их, действительно, можно искать и находить везде — от жизни отдельного чело-

века до жизни космической. В. Белова волнует жизнь крестьянская, и он, понятно, ищет качества более конкретные, специфические для данного уклада. Тогда выступают на первый план понятия «труд» и «природа».

Труд на земле, прямое и древнее общение человека с природой, зависимость от «власти земли» (вспомним Г. И. Успенского) и трезвое сознание этой власти над собой — вот первоисточник крестьянского образа жизни. В. Белов в данном случае не нов, эта истина была хорошо известна и раньше, хотя бы тому же Г. И. Успенскому, чьи очерки полезно перечитать параллельно «Ладу». «Несомненно,— писал автор «Власти земли» и «Крестьянина и крестьянского труда»,— существует в глубине этой массы множество и других черт духовного родства, но мы говорим опять-таки, что самая главная из них, самая, если можно сказать, первая из них,— это земля и труд на ней».

В. Белов берет эту старую тему руками современного человека. Самые слова «земля» и «труд на ней» он произносит с любовью и даже с благоговением. Он лелеет все устойчивое, что отлегло в трудовой и бытовой памяти крестьянства.

Мирный труд и труд на миру, труд как естественная потребность и духовная необходимость, труд в природе ради себя и детей своих — все это вновь и будто впервые (на то она и литература!) переживается В. Беловым как начало начал. И такое переживание дорого стоит.

«Так уж устроен мир: если вспахал, то надо и сеять, а коль посеяно, то и взойдет. А что взойдет, то и вырастет и даст плод, и хочешь не хочешь, ты будешь делать то, что предназначено провидением. Да почему — хочешь не хочешь? Даже ленивому приятно пахать и сеять, приятно видеть, как из ничего является сила и жизнь. Великая тайна рождения и увядания ежегодно сопутствует крестьянину с весны и до осени. Тяжесть труда — если ты силен и не болен — тоже приятна, она просто не существует. Да и сам труд отдельно как бы не существует, он не заметен в быту, жизнь едина. И труд, и отдых, и будни, и праздники так закономерны и так не могут друг без друга, так естественны в своей очередности, что тяжесть крестьянского труда скрадывалась. К тому же люди умели беречь себя».

Чувствуете секрет беловского изложения? Мысль перетекает от идеи к идее, односторонность отдельных тезисов. С одной стороны, «так уж устроен мир», что, кажется, все во власти провидения. С другой — человек со своим хотением, которое проявляется в каждом его шаге. «Хочешь не хочешь». В этих словах есть утверждение, но есть и вопрос. С одной стороны, тяжесть труда без преуменьшений. С другой — сознание, что эта тяжесть может быть и радостна, что нельзя в труде надрываться, а надо уметь поберечь себя. И оказывается — умели! Те самые земледельцы, чья трудовая ноша почиталась в обществе самой весомой.

В данном случае «эстетика» — это естественность труда, построенного с разумным учетом сил природы и человека. Крестьянин не отделяет себя мысленно от живого мира, он принадлежит ему, действует в нем, сле-

дую естественному ходу вещей. Суть «естественности», по В. Белову, — единство пользы и красоты. Польза — отражение интересов человека, красота — знак правильного, ладного осуществления этих интересов. Польза и красота вместе — продолжение ритма, циклического порядка жизни. Незрывность художественности и практицизма определяет дух «народной эстетики».

Кто научил крестьянина этому ладу? Жизнь, отвечает В. Белов. Обычай, уклад есть продукт исторического опыта поколений, прошедших тысячи раз через круги своя и на этих кругах отсевших зерна от плевел.

На чем же держится ствол «народной культуры» в веках? Неужели только на врожденных зависимостях крестьянского труда от природы и земли? На традиции, отвечает В. Белов. Великая сила преемственности, которая жила в деревенском быту, зиждилась на власти традиции. А власть традиции, по В. Белову, есть прямое продолжение власти земли. Посредством традиции деревенская жизнь шла по своим кругам. Посредством традиции крестьянин как личность сообщался с целым — с семьей, родом, сельским миром.

Традиция подобна цементу в здании «народной культуры». В. Белов подчеркивает это, развивая основную идею, добавляя новое к уже сказанному. «Природа как бы утверждает надежную и спокойную силу традиции. Ритмичность в повторе, в ежегодной смене одного другим, но эти повторы не могут быть монотонными, они всегда разные, разные не только сами по себе, но и оттого, что и человек, восходя к зрелости, постоянно меняется. Сама новизна здесь как бы ритмична. Ритмичностью объясняется стройность, гармонический миропорядок, а там, где новизна и гармония, не минуема красота, которая не может явиться сама по себе, без ничего, без традиции и отбора... Так, благодаря стройности, ритмичности и личному, всегда своеобразному отношению к нему сельский труд, как нечто неотделимое от жизни, обзавелся своей эстетикой».

Читаю и вижу: новые понятия вливаются в авторское рассуждение, вырастают в идею лада, расширяя ее изнутри своим неожиданным появлением: «новизна», «отбор», «личное», «своеобразное». Это уже что-то неожиданное. Шли от универсальных начал: целостности уклада, круговорота, традиции, единства. И вдруг — нечто, казалось бы, инородное этому монолиту: новизна, личное... А ведь тут — самая тонкость, потому что описание уклада спустилось до главной реальности: до человека, носителя и осуществителя всеобщих начал.

В мысли В. Белова запрятана диалектика. Традиция встретилась с новью, целое с частями. Автор не фиксирует специально эту диалектику. Для В. Белова индивидуальное отношение крестьянина к жизни и труду есть такая же основа, как «ритм» и «цикл». Он здесь снова идет не от логики, но от живого представления, от образа. И может быть потому, что в этом образе слились приметы различных, скрыто-противоречивых сторон действительности, В. Белов совершает своего рода открытие. Объясню.

Читатель, сведущий в социологии, дол-

жен знать, что эта наука давно обратила внимание на роль традиции в общественном организме. Есть у социологов и такое понятие: «традиционная культура», «культура традиционного типа». Согласно типологии, в этой культуре традиция, обычаи, прямое подражание общепринятым действиям являются преобладающей формой общения, формой воспроизводства жизнедеятельности во времени. Обучение, воспитание, передача опыта от поколения к поколению в данном случае никак не отделены от повседневного быта и труда, сведения о способах поведения нисколько еще не обособились от практического процесса, от «языка реальной жизни»¹.

Деревенская община былых времен являлась для социологов одним из прототипов «традиционной культуры». В ее социологическом восприятии мы легко обнаружим такие признаки, как ритмичность, повторяемость привычек, даже «рутинность»... Но вот тема личности, индивидуального своеобразия, новизны тут оставалась в стороне. Почему? Да потому, что с точки зрения социологии и ее абстрактных моделей традиционная культура в чистом виде действует по принципу единообразия, копирования устойчивых образов. Личность и новизна для нее — отклонение в сторону, перебой в механизме, разрыв в круге. Время здесь тоже — только круговое, эволюция — открытый вопрос.

У В. Белова — другая картина. Столкнувшись с проблемой «традиция и время», «устойчивость и развитие», он пошел от жизненных образов и реальных наблюдений, от очевидной истины, что все течет и все изменяется. И внес эту истину внутрь циклического, кругового представления о крестьянском укладе. Тогда рядом с признаками единства обнаружилось признаки разнообразия. Единство — в разнообразии, разнообразие — в единстве. Вскрывая эту двойственность, В. Белов и делает незаметно для себя некое открытие. Идеал лада, образ циклического порядка пересекается с образом непрерывного исторического движения. «Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди». Вроде бы — один лик. А вот и — другой, рядом с первым: «При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию».

Выясняется, что разнообразие, смена дел и ритмов — необходимейшее звено в земледельческой жизни, естественное дополнение к традиционному кругу. Разнообразие человеческого поведения — ответ на разнообразие той же природы, стихийного течения жизни. Разнообразие скрашивает прежде всего тяжесть труда. Перемена в делах — спасение от монотонности. Монотонность — вредна, некрасива, противочеловечна. Вот одна из тайн «народной культуры», счастливо понятая В. Беловым. «Ничего не было одинаково, несмотря на традицию и видимое однообразие. Пахари останавливали работу, чтобы покормить коней, косари

прерывали косьбу, чтобы наломать веников или надрать корья».

Нетрудно заметить, что разнообразие — отнюдь не хаос. У него есть внутренняя мера, есть свой ритм, даже своя традиция. Это традиция отбора новизны. Новое как источник жизненных изменений проходит коллективную проверку и переходит, оправдав свою пользу и красоту, в традицию. Народ отзывчив на новое, говорит В. Белов. Позаимствовать что-то ценное со стороны, например, у других народов — дело обычное. Но гораздо важнее отбор, идущий изнутри самой народной жизни благодаря людской активности, благодаря работе незаурядных личностей.

Рассказывая о народных умениях и промыслах, В. Белов увлеченно говорит о мастерстве и мастерах. Мастер, искусник, умелец выделяется на общем фоне, обогащает коллективную жизнь своим опытом. В традициях крестьянского быта — оглядываться на лучших и опытейших. Помните строки о «хорошем крестьянине» и «самом рачительном хлебопашце», на которого оглядывалась вся деревня? Еще заметнее эта оглядка на лучших, этот естественный отбор опытов — в мире мастерства и промысла. Оказывается, в сфере традиции, в организме «народной культуры» творчество — нормальное, даже закономерное явление. Творчество — спутник разнообразия красоты в бесконечно меняющемся мире. На лучших, способных к творчеству людей ложится главная ответственность за общее движение, за решение незнакомых вопросов и одоление трудностей. Мастер идет впереди, не подавляя подмастерьев, но прокладывая путь, помогая идущим вослед и направляя их.

Образ народного мастера, народного таланта — один из центральных в «Ладе». Он есть реальное объяснение того, каким образом единство традиции уживается с разнообразием пользы и красоты, каким образом кольца «народной культуры» прирастают к ее сердцевине.

«Традиционное правило народного бытия тем и удивительно, что при своей внешней категоричности допускало тысячи вариантов, годилось для разных условий и для любого характера. Но оно, это правило, всегда и всюду вносило организующее начало, устраняло хаотичность и помогало раскрыться способностям каждого».

Удивительно! Живут люди, трудятся, женятся, рожают детей, празднуют праздники, умирают, стремясь не намять себя и других, и линия человеческой жизни (тут-то есть конец и начало) незаметно вписывается в бесконечный круговорот бытия. И, кажется, никаких сложных организаций, никаких искусственных усилий не требует это движение, будто само из себя порождает оно живые токи, обходясь в семье и труде заслуженным авторитетом старшего и лучшего, в мирских делах — коллективным соощанием схода.

Спокойна и размеренна в «Ладе» самодетельность людей земли. Крестьянский мир, по В. Белову, именно самодетелен и самоуправляем. По этой же причине этот мир чувствителен ко всякому вмешательству извне, к разрыву связи времен. Правда, если такое вмешательство не затрагивает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е издание, т. 3, стр. 24.

ядра крестьянской жизни, то последняя отзывается на перемены и приспосабливается к новым условиям... В. Белов не углубляется специально в это явление, он стремится изобразить народный быт с внутренней стороны. Однако в одной из начальных строк он называет некоторые источники перестройки традиционной жизни во времени: «Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад, сформированный еще в пору язычества. Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здоровому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, все это отсеивалось временем».

Вот они — три движущих момента.

Климатические условия — это действие все той же природы, ее всегдашней власти над земледельцем.

Национальный характер — это условие социальное, продукт исторической и культурной среды. Впрочем, В. Белов подчеркивает известную наднациональность земледельческой культуры, сравнивая, например, обычаи русского Севера с обычаями деревни украинской, запечатленной в повестях Н. Гоголя.

Здравый смысл... Тут, пожалуй, самое интересное и самое непростое. В. Белов неоднократно указывает на здравый смысл народа, на его существенность. Здравый смысл становится, таким образом, активным духовным двигателем «народной культуры». Он регулирует реальную практику, разрешает жизненные противоречия, удерживает целое в состоянии порядка и необходимого разнообразия. Здравый смысл, узнаем, помогал и в поле, и в доме, и в выборе одежды, и в решении семейных вопросов, и в делах общественных. Вот характерное место: «Как это для нас ни странно, на сельском съезде не было ни президиумов, ни председателей, ни секретарей. Руководил всем ходом тот же здравый смысл, традиция, неписаное правило. Поскольку мнение самых справедливых, умных и опытных было важнее всех других мнений, то, само собой, к слову таких людей прислушивались больше, хотя формально и брали верх горлопаны».

Здравый смысл, каким он предстает на страницах очерков, это отнюдь не только традиция. Это прежде всего коллективный разум. Здравый смысл — это конкретный анализ жизненной ситуации с точки зрения народной самодеятельности, ее практических интересов. Наконец, это голос своеобразного народного «аристократизма» в союзе с совещательным началом. Аристократия, напомним, означает по этимологии — «власть лучших».

Мы уже заметили в «Ладе» указание на крестьянскую традицию выдвигать вперед лучших, опытных, самых способных. Принято к ним прислушиваться, на них оглядываться, с них брать пример. В этом и заключается здравый смысл, это и дает опору традиционности, избавляя ее от опасности перейти в рутину, в форму без содержания, в распорядок вместо порядка.

Здравый смысл видит своей задачей порядок в настоящем и достижение реального лучшего в пределах возможного. Путь «народной эстетики» — это, стало быть, путь здравого смысла. На этих путях ищет истину и В. Белов.

Нзходит ли он ее? Опять вопрос, в вопрос, в сущности тот, что был поставлен вначале. Как соотносится притягательный образ «народной культуры» с исторической реальностью? Какова мера идеализации прототипа в «Ладе»? И каково значение этой незаурядной книги в нашем настоящем, когда большая часть того, о чем говорится в «Ладе», принадлежит прошлому?..

И здесь возникает еще слово — «идеальное». Значит, без него не обойтись и его же не обойти стороной. Слишком веское слово, слишком крупная тема. Никогда не денешься, есть у В. Белова склонность к идеальности, выделяет он из реальной жизни именно «эстетику», отсекает в ходе обобщений все неладное.

«Народная жизнь в ее идеальном всеобъемлющем смысле...» — произносит В. Белов. И этим, видимо, сказано главное о его мышлении, о его подходе к материалу. Можно было бы без околичностей принять этот подход, если бы В. Белову удалось остаться в пределах одной «эстетики», внутри замкнутого круга «народной культуры». Но суть в том, что круг никогда не был замкнут, целостность уклада никогда не была абсолютной, реальные условия крестьянского существования тем более никогда не были чрезмерно благоприятными. И народная жизнь в идеальном смысле никогда не была свободна от жизни действительной со всеми ее земными наслонениями.

Автор «Лада» подошел вплотную к большой проблеме — проблеме развития уклада во времени, в истории. Но люлический, отчасти идеализирующий способ обработки фактов ставит В. Белова в сложное положение. В повествовании появляются просветы, требующие заполнения. Видимо, данная проблема — самое трудное и самое интересное звено в «Ладе».

Мы не торопились бы трактовать эту сложность проблемы и очевидный, открытый, а по сути — культурологический интерес писателя к «идеальному» как «уязвимость позиции В. Белова» (Г. Беляя. «Стиль памяти». «Новый мир», 1983, № 9, с. 233). Тем более неточна в этом контексте характеристика страниц «Лада» как «домостроевских» мечтаний (И. Золотуский). Мы знали и знаем другие позиции в отношении крестьянского быта (Тургенев, Толстой, писатели-народники, Чехов, Бунин, Шолохов...) и полагаем, что В. Белову имело смысл эти позиции по-своему, может быть, открыто учесть. Но ни один из представителей этих позиций не сталкивался вплотную с задачей, которая ясно определена в той же статье Г. Беляя: «...Возрождение интереса к традиции всегда связано с преодолением вины перед недооцененным прошлым, чувством необходимости восстановить «естественное родство» между историей и современностью».

Посмотрим еще раз, каким образом В. Белов переходит от «идеального смысла» к реалиям: «Любое нарушение этого ритма — война, мор, неурожай — лихорадило весь народ, все государство». Я не забавляюсь ради возвращаюсь к знакомой строке. Война, мор, неурожай действительно страшные явления. Но как быть с тем фактом, что в конкретной истории жизнь крестьянства, да и всего народа неоднократно попадае

в полосы подобных нарушений. Следовательно, реальная история шла через лихорадку, перебои, разрывы, через конфликты и противоречия, которые, по В. Белову, губительны для «народной культуры». Следовательно, повседневная, вековая жизнь крестьянства протекала в сложной борьбе с беспрестанными «нарушениями», и эта борьба не могла не повлиять на самый строй крестьянского быта.

Почитаем еще: «Перебои в ритме семейной жизни (болезнь или преждевременная смерть, пожар, супружеская измена, развод, кража, арест, гибель коня, рекрутство) не только разрушали семью, но сказывались и на жизни всей деревни». Итак, еще один перечень «нарушений». Но ведь тут названы, между прочим, характерные, вечные трудности жизни, которые сопутствуют всем укладам. Они «естественны» не менее, чем ритмы и циклы земледельческого бытия. Они, по сути, тоже сама жизнь, а не внешнее, потустороннее обстоятельство.

Традиция, естественно, была, и она сохраняла силу, живучесть, пока существовал огромный массив крестьянского населения, пока действовали привычные формы общения. Но в действительности традиции всегда подстерегали «перебои», испытания на прочность. И не здесь ли проходил самую сложную проверку народный здравый смысл? Стоит представить себе хотя бы в общих чертах судьбу русского крестьянства, сопоставить беловский образ «народной культуры» с народной историей, и картина деревенской жизни предстанет в более сложном свете. Добавится работа и для памяти, и для мысли.

Я имею сейчас в виду не наше убыстренное время (тут счет особый), а, например, времена того же Г. И. Успенского или А. Н. Энгельгардта, автора известных очерков «Из деревни. 12 писем». Кажется бы, это эпоха, когда крестьянский уклад был массовым, достаточно стабильным и относительно автономным от других социальных сфер. Почему же нерадушен крестьянский быт под пером давних публицистов при всей их любви к народу? Как перейти от «Лада» к очеркам XIX века и вернуться обратно? Расхождений не миновать...

Современник резких, небывалых перепадов в развитии деревни, пронизанной вьюгами XX века до самой сердцевины, В. Белов словно в пику испытаниям и ненастьям хочет увидеть былое без противоречий. Панорама вековых обычаев завораживает, впечатляет, волнует, и все же в ней чувствуется отбор. Странное это слово — «былое». Начинаешь истины ради перебирать факты и убеждаться: был многолюдный крестьянский мир, была власть земли, была «народная эстетика», самостоятельно питавшая труд и быт деревни. Но были также безземелье и бедность, раздоры и тяжбы, недостаток знаний и техники, конфликты экономические, общинные, семейные... Была все-таки жизнь живая, а не идиллическая...

И хотя мы вполне понимаем В. Белова как автора очерков «народной эстетики», наша собственная память о живой жизни вызывает желание вспомнить прежние очерки нравов, написанные о том же предмете, но с позиций социологических, в ракурсе публицистическом. Знание разных точек

зрения нужно не для «уязвления» автора, но как залог полноты нашего взгляда на жизненное явление и творчество писателя.

Там, где В. Белов склонен ныне отыскивать единый крестьянский характер, Г. И. Успенский, например, обнаруживал разные человеческие типы. Вот он признал толстовский образ Платона Каратаева и растолковал его как «смирненный» тип. Однако рядом сразу же дал о себе знать «другой тип — хищника для хищничества, артиста притеснения, виртуоза терзания... Отделять эти два типа друг от друга невозможно. Они всегда существовали рядом друг с другом». Очевидно, в рамках одного уклада эти типы тянут каждый в свою сторону, сталкиваются на фоне общих традиций, накладывают печать на действие обычаев.

«Как же обстоят дела теперь? — спрашивал Г. И. Успенский и отвечал: — Теперь мы видим только две фигуры — Платона и хищника. Третьей фигуры — человека, который бы мог заикнуться о той правде, которую бог видит и которую говорит устами людей, — нет и в помине. Напротив, все на стороне хищника. На стороне его земельное расстройство масс, расстройство это гонит их к хищнику внутренне бессильными, создающими свое ничтожество гораздо сильнее, чем сознавал его Каратаев».

Неладная зарисовка, не правда ли? Конечно, и Г. И. Успенский мог понимать все не всю истину. Но свидетельство противоречий жизни в любом случае сохраняет силу.

Подобные проблемы, анализ неладных проблем деревни доходят к нам и со страниц книги А. Н. Энгельгардта, и со страниц исторических исследований крестьянского вопроса. Хотим мы того или нет, но этот вопрос — один из самых острых и самых больших в русской публицистике.

«Плохое питание, сменяющееся полным голоданием, ужасная антигигиеническая и антисанитарная обстановка оказывают огромное влияние на ухудшение народного здоровья, мало того, прямое физическое вырождение народных масс»¹.

Как согласовать все прочитанное с «Ладом»? Уж не прекрасная ли легенда произведение В. Белова, из тех легенд, что дают сегодня литературе возможность выдвигать в противовес контрастам и «перебоям» современной жизни поучительные притчеобразные сюжеты?

Попробую ответить. Нет, не легенда. Точнее — в конечном счете не легенда, хотя «мифотворчески» тенденции современной литературы явственно отозвались в «Ладе». Отозвались, впрочем, естественно, неповторимо, органично, так, что не сразу и заметишь их присутствие. Это «книга-урок», сформулировал один из критиков. Пусть так, но ведь и урок надо понять до конца, суметь извлечь.

Что касается расхождений В. Белова с прапрадедами нашей публицистики, то здесь главный урок — в различии точек зрения на действительность.

Точка зрения прапрадедов — социальный анализ. Они обращают большое внима-

¹ Сб. «Крепостное право в России и реформа 19 февраля». М., Т-во И. Д. Сытина, 1911, стр. 380.

ние на хозяйственные проблемы и на отношения крестьянского мира с общественной средой. Для Г. Успенского крестьянин давно не волн сам себе, давно не стоит на месте. Это не мешает признать самобытность и красоту деревенского уклада, однако это же делает невозможным упустить из виду конкретно-исторические связи земледельцев с государством, другими классами, земской администрацией, судом, системой собственности... Это — не пустой звук, это — сама реальность. И когда прапрадеды выясняли влияние капитализма на крестьянскую общину или прикрывали мужика от чиновничьих наскоков, то они занимались именно реальностью, народной жизнью в реальном смысле.

А между тем эти и прочие проблемы теперь далеко позади, вокруг все — другое. И уже приходится вспоминать, что выделяло деревню в окружающем мире: наиболее характерные обычаи, психологическую атмосферу, коренные традиции и представления, «народную культуру», как скажет В. Белов, не желая внутренне расставаться с этой культурой, растерять опыт поколений, разорвать связь времен. Не желая забывать лучшее из того, что было и что сегодня воспринимается как утрата.

Это точка зрения В. Белова, и ее благородство, ее одухотворенность выкупают с лихвой ее избирательность, ее идеализм.

Мы, собственно, идем сейчас как бы к началу, но — с новым пониманием «Лада», с более осознанным отношением к его содержанию. Да, точка зрения В. Белова — это лирическая память, лирическое возвращение, даже лирическая культурология, хотя сам автор, как мы убедились, не ищет для своей книги необычных определений. «Для памяти пишу» — и все.

У памяти, живущей возвращением к прошедшему, свой путь и свое право выбора. Г. И. Успенскому вряд ли нужно было живописать витие веревки, а для В. Белова — это тема целого очерка. Бытовое дело становится в наших глазах искусством. Писать портрет народной культуры, как В. Белов, это значит искать в жизни то, что сохраняло идеальный смысл поверх барьеров времени. Сохраняло, пока традиция не пресеклась, не сбилась с ритма. Бесспорно, XX век с его индустриальным и организационным размахом должен был ударить по деревне. Не будь даже мировых войн и исторических общественных сдвигов, сельский мир все равно менял бы свой облик, прошел бы через хозяйственные, культурные и демографические перемены. Эпоха социалистического строительства при всех обстоятельствах должна была подвергнуть деревенскую традицию испытанию новизной и скоростью социальных процессов, технических взаимодействий, информационного обмена. Можно только строить догадки о том, как реагировала бы деревня на эту скорость в более мирных, более спокойных условиях. Но все обернулось иначе, и минувшая война раздвинула края десятилетий.

На этом историческом фоне лирический идеализм памяти наполняется нравственным светом. «Лад» — это романтическая борьба со скоростью и аритмией века, с беспомощностью, с разрушительными потрясени-

ями нашей цивилизации. Тут есть боль, опасение и тоска, есть также мечта и надежда. Мечта о лучшем, надежда на лучшее. Отсюда — и поиск лучшего в прошлом. В этом поиске В. Белов вместе с тем и — реалист. Он не хочет изобретать и фантазировать, он хочет собрать и пощупать то, что действительно было, работало, служило верой и правдой. И могло еще послужить.

В своем поиске, в обработке реального материала В. Белов-публицист бывает пристрастен, и тогда начинается обсуждение, спор. Все серьезные критики, принимая книгу В. Белова, так или иначе спорили с ним по каким-то пунктам. Любовь к минувшему, к старине порой толкает В. Белова на односторонность, и его мысль теряет черты «необходимого разнообразия», не справляется с проблемой движения традиции во времени. Критика уже отметила некоторую предвзятость писателя к городской культуре, что оборачивается сужением взгляда на современный образ жизни. Так возникают наивные уколы в адрес физкультуры, спортивного зрителя... Город и деревня, город и народ. Эти вопросы у В. Белова только заданы, ответ на них где-то впереди.

Тут будет еще о чем подумать.

Иногда с В. Беловым хочется поспорить и по деталям, по мелочам. Однако и мелочь бывает показательна. Например, автор вспоминает плотницкую науку и перечисляет виды крепления углов в срубе: «в охряпку», в простую коровку, «в лапу», «в крюк». Последний способ — самый сложный и самый лучший. Я готов погоревать вместе с автором, что мало осталось истинных мастеров-плотников, умеющих рубить «в крюк», сохранивших к тому же крестьянскую добросовестность в работе. Но далее В. Белов делает утверждение бесспорное: «Хуже того, в северо-западных областях распространилась нелепая мода не рубить угла, бревна, вернее, брусья складывают «впритык», как кирпичи».

Не будет такая постройка хорошо держать тепло, считает писатель и корит современность. По-моему, он на сей раз ударил мимо цели. Бревна, верно, нельзя класть впритык, старый способ тут самый лучший. Брусья же — иное дело. Раньше в деревне из бруса фактически не строили; сколько ездил по Северу — не припомню старых домов из бруса. Оно и понятно. Без пилоамы, без механизации брус делать сложно и трудоемко. Между тем для сборки брус куда как удобен. Он легче, ровнее, с ним меньше ручной подгонки. Кирпичи на углах кладутся, как известно, крест-накрест. Угол, сложенный так же из бруса, получается аккуратным и плотным, так что хулить его не приходится. Был бы только дельный мастер, любящий дерево и дело рук своих.

Еще один пример хочу разобрать, чтобы прояснилась взаимосвязь между «идеализирующим» обобщением обычая и фактическим течением жизни. Есть в «Ладе» глава «Нищие». В ней — рассказ о просящих подаюния и милостыни. Грех было здоровому человеку идти по миру, грех и не подать просящему. Лишь в исключительных случаях, в большой беде и несчастье, крестьянин мог протянуть руку к миру, и мир должен был ему помочь.

Обычай изображен точно, так было заведено, так полагалось. И все-таки в жизни, где действуют не обычаи сами по себе, а живые люди, бывало сложнее, по-иному. У А. Н. Энгельгардта есть отрывок о том, как крестьяне, не имеющие достаточного пропитания, идут в «кусочки» просить Христа ради. «В нашей губернии, и в урожайные годы, у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови; почти каждому приходится прикупать хлеб, а кому купить не на что, те посылают детей, стариков, старух в «кусочки» побираться по миру... Голод не свой брат: как не поесн, так и святых продаси. Совестно молодому парню или девке, а делать нечего,— надевает суму и идет в мир побираться».

Обычай, лад? Нет и... да. Нет, потому что какой же лад, коли людям есть нечего. Да, поскольку обычай продолжает действовать духовно, в идеальном смысле. «Совестно...»

А. Н. Энгельгардт не преминул добавить, что «побирающийся кусочками» и «нищий» — это два совершенно разных типа просящих милостыню. Затем следует характеристика нищего, совпадающая с беловской. Но, думается, что В. Белову недостает образа побираться кусочками, потому что именно этот образ добавляет к идеальному смыслу народной жизни смысл реальный, снимая тем самым неполноту идеального представления.

Почему я так много говорю о реальном и идеальном? Потому что здесь, повторыю, ключ к книге.

В отдельном издании «Лад» вышел красочно оформленным, в глянцевого разноцветной обложке, с отличными цветными фотографиями А. Заболоцкого. Но странно воздействуют эти картинки на тональность книги. Очерки народной эстетики вдруг начинают казаться подарочным альбомом, собранием музейных редкостей. Эстетика обнажается, выпирает и... холодит память.

Думаю, не этого хотел В. Белов. В погоне за «чистой» традицией он помышлял все-таки о реальном мире, нес навстречу ему в ладонях живую воду памяти: чтобы заставить прошлое служить настоящему, преподать современности урок здравого смысла, напомнить об идеалах и гармонии...

С этим высоким замыслом В. Белов справился. Конечно, нельзя толковать «Лад» примитивно: мол, давайте подражать старине, одеваться по-старому, выбрасывать на свалку телевизоры... Такой наружный путь нелеп. На древе жизни выросли новые круги, и тайна их связи с сердцевинной иная, чем прежде.

Согласно воззрению В. Белова, «народная культура» тем и хороша, что существовала самостоятельно, органично, безыскусственно. За пределами своего естественного бытования она утрачивает жизнность, теряется, как растерялся в свое время на чужбине беловский Иван Африканович. Поэтому ее невозможно механически внедрить, насадить где придется. Ударись в музей и в лубок. Традиция требует почвы и времени. Сохранять ее там, где она есть, поддерживать ее здоровые ростки, открывать ей путь для новых естественных приспособлений к действительности —

вот вопрос вопросов. Движение памяти нуждается в особой логике и эстетике, в особом ладе. Этому учит и к этому зовет книга В. Белова. Ее собственная духовная сердцевина — это философия здравого смысла.

Зона действия здравого смысла гораздо шире деревенского круга и «деревенской темы». Здравый смысл как продукт человеческой осмысленности и терпимости, как единство традиции и творчества, как сознание коллективной самодетельности, ее опыта и необходимого разнообразия — есть достояние всего общества. Он, надеюсь, не исчез вместе со многими горькими каравайками и матёрами, сохранился в народе, в общем сознании, в исторической памяти. Он ищет себе дорогу и на селе, и в малом городке, и в большом городе, и в пригороде. В человеке! В нем кровно нуждается современная жизнь. К сожалению, в масштабе всей жизни здравый смысл уже не срабатывает сам собой, подобно старому обычаю. Он требует своих поборников, у него есть и противники.

Здравый смысл по природе — гуманистичен, он обращен к людским нуждам, к народным и общечеловеческим чаяниям мира, социального равновесия. Он по-прежнему заставляет нас искать средств против войн, мора, неурожая, «перебоев», ему враждебны империалистическая агрессивность, социальное прожектерство, политиканство, расизм, насилие, милитаризм. Он встает наперекор несправедливости, тупой рутине, разрушительному эгоизму, ложным прельщениям.

Главная забота здравого смысла — не райская идиллия, но повседневный человеческий лад. Не утопия, но реальность, реальность настоящего.

Взять хотя бы город, его быт, к которому В. Белов, как мы знаем, не благоволил. У города — своя история, свои предания, своя проблема лада. К тому же не был он никогда отделен от деревни китайской стеной, всегда соприкасался с селом, играл заметную роль в его развитии, выступая в качестве центра политической власти, промышленности, торговли.

В. Белов говорит о способности крестьянства умно заимствовать все полезное у других. А ведь город был проводником подобных заимствований. Не обойти культурной роли города в отношении деревни, хотя мы сегодня и сознаем, что далеко не во всем и не обязательно городская культура благодетельствовала самостоятельной культуре деревни. Что ж, тем серьезнее объективная проблема. Еще в начале века русский историк Н. А. Рожков писал: «Каждый божий день мы можем наблюдать в европейской и русской жизни все новые успехи приобщения деревни к великим благам человеческой культуры и просвещения. Но нет сомнения, что без развития городского строя невозможно был бы и пышный расцвет культуры. Не надо только забывать, с другой стороны, что и городской строй в его современном состоянии органически связан с историческим развитием деревни, и что город без деревни может существовать еще в меньшей степени, чем деревня без города».

Вновь двулика реальность, и справиться с ней — требование того же здравого смысла.

Город сегодня быстро растет, разбухает, начинает задыхаться, вносит в человеческое общение анонимность и отчуждение, придавливает человека бытовыми скоростями и психологической лихорадкой. Здесь недолго затосковать по деревенской соприродности, по власти земли... Как видим, проблема лада тревожит город. При колоссальном размахе строительства, в условиях уплотнения людей, концентрации всех элементов производства и быта город в лоб сталкивается с вопросами здравого смысла в проектировании, управлении, технике всеобщей безопасности. За ошибки в проектах и планах, за перебои коммуникативных систем горожанам приходится платить куда как дорого.

Город — это множество ритмов и циклов, тут иная мера сложности. Но если мы задумались об этом, то не пойдет ли нам на пользу беловское напоминание о «народной эстетике», в частности, о крестьянских мастерах?

За примерами ходить недалеко. Взять хоть нашу столицу. Элементарный здравый смысл велит задуматься о ее дыхании, о пределах ее роста, о границах накопления промышленности, о сохранении зеленых «легких» города, об органичной взаимосвязи города и пригорода.

Город и пригород. Еще одна нетрадиционная тема, уходящая, однако, многими корнями в старую проблему «город — деревня». Сегодня город грузно вторгается в пригород, подминает «зеленую зону» и нарушает собственную экологическую среду. Мы ежедневно наблюдаем это в Подмосковье, которое — рядом, на глазах. Москва грозит вырваться за окружную дорогу, притягивая к себе близлежащие города.

...Еду как-то в электричке и читаю по случаю мытищинскую районную газету «За коммунизм» от 24 июля 1982 года. Архитекторы дают справку о перспективах развития микрорайона Строитель. Оказывается, разрабатывается план застройки этого района, расположенного на самой северной окраине Мытищ, многоэтажными жилыми домами. А я знаю, что сейчас там поселок, который подходит зеленым сосновым клином к городу. За поселком — ценный лесопарк и санаторий. А по соседству — два химических предприятия, пополняющие атмосферу отнюдь не озоном. Пока лес защищает окрестности, а какво будет, если вместо леса вырастут жилые коробки? Чем будут дышать их жители? Остановишься и задумаешься о здоровом смысле.

Не слишком ли далеко отошли мы от «деревенской темы» «Лада»? Нет, не далеко. Публицистический и философский мотив книги В. Белова направлен вширь. На «Ладе» лежит отсвет судьбы общенародной. Поэтому очерки народной эстетики вызывают множество ассоциаций, создают вокруг себя поле для мысли.

Позади — деревня, напоминает В. Бе-

лов. Все его прежние герои были, в сущности, героями здравого смысла, поплавшими в круговорот эпохи. «Лад» бросает свет на те духовные силы, которые поддерживали последние крестьянские поколения в сложные времена. Позади деревня. А что — впереди? Стирание «границ»? Не будем загадывать, тема глобальная. Кто ведает, может быть, укрепив мир на земле и добившись наконец всеобщего разоружения, люди увидят здравый смысл и лад в том, чтобы построить отношения города и деревни на новых началах необходимого разнообразия, чтобы разумнее рассредоточиться на земном пространстве и дать тем самым земледельческой культуре и сельскому образу жизни новую почву. Но это — другая тема, хотя и она потенциально содержится в «Ладе».

Закрывая «Лад», обращаюсь к той стране, где В. Белов говорит о стойких образах «реки» и «дороги» в народной поэзии, а также о неисчерпаемости художественного образа. Книга В. Белова — художественный образ, силой художественности она одолевает реальные и, наверное, неизбежные противоречия чистой мысли.

Образ реки есть образ текущей жизни, и мы помним, как в рассказе «Речные излуки» благодаря этому символу В. Белов обрел высоту реализма, высоту понимания человека и времени. В «Ладе» образ реки возрождается и открывается нам в новой неисчерпаемой глубине: «Река течет. Она то мерцает на солнышке, то пузырится на дождике, то покрывается льдом и заносится снегом, то разливается, то ворочает льдинами.

Рыбы нерестятся на месте предстоящих покосов, а там, где сегодня скрипит коростель, еще недавно завывала метель.

Что-то родное, но вечно меняющееся бесечно и непрямо текущее, обновляющееся каждый момент и никогда не кончающееся, словно льняная нить, тянущаяся из глубины веков, связующая ныне живущих с уже умершими и еще не рожденными, мерещится и слышится в токе воды. Слышится всем. Но каждый воспринимает образ текущей воды по-своему».

Этот образ — в центре философии «Лада», без этого образа был бы невозможен здравый смысл, на путях которого — книга В. Белова.

...Теперь мы, кажется, понимаем, что происходило в душе того славного майора, прошедшего через три волока до исчезнувшей Каравайки. Сидя ночью на месте старого дома, он находился на берегу жизненной реки, слушал ее течение, заглядывал в даль веков, думал о родине, о предках, о Каравайке, которой больше не было на земле, но которая была в сердце. Майор молчал всю ночь, но вот, наверное, о чем он думал или мог думать, что говорил или хотел сказать людям, зная наперед — всего не скажешь: «Хорошую жизнь пронизывает лад, настрой, ритм, последовательность в разнообразии. Такой жизни присущи органичная взаимосвязь явлений, естественное вытекание одного из другого...»